

И ВЕЧНЫЙ БОЙ...

С Борисом Николаевичем Никольским я познакомился в начале восьмидесятых на конференции молодых писателей, когда уже твердо усвоил, что от секретарей Союза писателей, одним из коих был Никольский, ничего хорошего ждать не приходится. С тех пор я не раз высказывался в том духе, что советская власть творила себе врагов из вполне лояльных граждан типа меня: меня не интересовала ни собственность, ни многопартийность, я всего лишь хотел писать прозу с мыслящими и психологически нетривиальными героями, — а оказалось, что это-то и нельзя. Только через много лет до меня дошла очевиднейшая, казалось бы, вещь: ни власть, ни государство не являются субъектами, наделенными собственным разумом и волей, они всего лишь орудия в руках каких-то лиц и групп. И советской культурой завладели люди малокультурные, которые идеологией только прикрывались, а на самом деле всего-навсего душили то, что было непонятно, а потому оскорбительно лично для них. А марксизм-ленинизм тут был ни при чем.

И какова же была моя радость, когда этот самый ужасный секретарь оказался умным, образованным и доброжелательным человеком, а после окончания еще и назвал меня с трибуны открытием конференции. Впоследствии Никольский еще столько раз меня поддерживал, что мне оставалось лишь благодарить судьбу за то, что он был советским, а не антисоветским человеком, — без таких, как он, таким, как я, было бы не выжить.

А когда после пришествия Горбачева Никольский превратил «Неву» в один из активнейших органов перестройки, однажды в разговоре с ним я подивился, какую роль в истории играет случайность: пришел бы не Горбачев, а скажем, Романов... И Борис Николаевич как-то даже просветленно сказал, что это не случайность, он давно ждал, что к власти придут люди его поколения, в молодости принявшие идеалы XX съезда, идеалы гуманного и справедливого социализма.

Потом Никольского выдвинули в депутаты, и я, естественно, болел за него, хотя в благодетельность «демократических обновлений» не особенно верил:

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в г. Россошь Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия «Учительской газеты» «Серебряное перо». Премия 2008 года журнала «Полдень, XXI век» (гл. редактор Борис Стругацкий). Премия фонда «Антифашист». Лауреат премии журнала «Иностранная литература» за 2015 год.

я понимал, что в реальности все неизмеримо более сложно, чем борьба демократии и партократии, но «партократия» очень уж достала тем, что Макиавелли называл малыми обидами: не наноси малых обид, учил он, ибо за них мстят, как за большие. Идиотские политзанятия, невозможность увидеть Рим и Париж, необходимость добывать Сартра и Камю через спекулянтов...

И самое главное — мне было почти невозможно печататься.

Потому-то и хотелось, чтобы и они наконец почувствовали нашу силу. Подозреваю, подобный мотив руководил очень многими образованными людьми — желание отомстить за унижения. А позитивная программа — «демократизация» — разве это не программа? Разумеется, у меня и тогда брезжило, что демократия всего только слово, а не какое-то определенное явление. А если бы даже это было явление, то все равно ниоткуда не следовало, что оно непременно должно привести ко всеобщему процветанию, — но задумываться об этом не хотелось, хотелось отвести душу. Тем более что одна схватка постоянно сменяла другую, и каждый раз приходилось становиться на сторону «хороших» против «плохих». Помню, с каким чувством внутренней близости мы разговаривали с Никольским перед Ленсоветом 19 августа. Никольский в то время был депутатом СССР и одним из разработчиков закона о печати.

И вот я перечитываю подаренный им роман-исследование «Кремлевские миражи» (СПб., 2001) и вспоминаю, что на референдуме о переименовании Ленинграда в Санкт-Петербург Никольский голосовал за Ленинград. Он вовсе не хотел сваливать советскую власть, он всего лишь хотел, чтобы она соответствовала собственным декларациям — все для блага человека и тому подобное. Он верил, что это возможно.

Издательская аннотация сообщает, что сам автор в 1989—1991 годах являлся народным депутатом СССР, одним из руководителей Комитета Верховного Совета СССР по вопросам гласности, входил в Межрегиональную группу, во главе которой стояли Сахаров и Ельцин, и потому был свидетелем или даже участником многих событий политической жизни, носивших драматический, а порой и детективный характер.

Однако ничуть не менее драматический, а порой и детективный характер носили поиски правды и справедливости, которыми с первой до последней страницы проникнута книга: «Вступая в эпоху потрясений и демократических преобразований, многие из нас верили, что политика может и должна стать *нравственной*». Об этом же писали и Сахаров, и Солженицын, и это действительно сладкое слово — нравственность. Да вот только что оно означает? Неужели хоть одна из борющихся социальных групп прямо-таки сознательно считает свою политику безнравственной? Сладкие слова потому-то и чаруют, что каждый может вкладывать в них какой-то желательный ему смысл. Однако Никольский в своей политической деятельности отстаивал что угодно, но только не личные интересы. И ушел он из депутатов ровно на свою прежнюю должность главного редактора «Невы». Тираж которой упал сначала раз в десять. А потом и в сто.

И сейчас уже, боюсь, не каждый вспомнит, из-за чего Никольский впервые вступил в открытое противостояние с «силами застоя» — это был роман Дудинцева «Белые одежды» о гонениях, которым подвергалась советская генетика. Напоминаю специально для тех, кто верует, будто в основе политической борь-

бы лежат экономические интересы: самому Никольскому борьба с цензурой могла принести только неприятности, а сотням тысяч читателей, гонявшимся за романом, в материальном отношении от публикации было ни жарко, ни холодно. Но советская власть так упорно прятала малейшие сведения о своих ошибках и преступлениях, что поиск этих сведений превратился в своего рода азартный спорт. Для Никольского же это был редакторский долг: «Я и правда не мыслил, как смогу оставаться на этом посту, если роман не удастся напечатать». Он решил дать телеграмму Горбачеву и победил.

И что? Вы помните этот роман? Он перепахал вас и превратил в борцов с режимом? Нет, это режим плодил борцов и наносил им те самые «малые обиды» — дарил стимулы и символы, вокруг которых было легко объединиться. «Белые одежды» сделались одним из таких символов.

Во время выборов Никольского в депутаты партийный аппарат развернул такую кампанию лжи и клеветы, что это возмутило даже людей, далеких от политики. Некоторые прямо ему писали, что именно клеветнические статьи побудили их голосовать за него.

И вот победа!

«Да, эти глаза, эти лица стоило увидеть. И дело было не лично во мне, не в моей победе. Нам тогда казалось, что мы наконец-то обретаем свободу, в тот вечер мы верили, что бюрократическая бездушная система рухнет, что очень скоро восторжествуют справедливость и человечность».

И я тогда был тоже очень рад и при первой же возможности позвонил Борису Николаевичу, ощущая: наша взяла! Что там будет дальше, неизвестно, но вот сейчас мы им нос утерли! Превращение политики в разновидность спорта — тоже один из способов ее примитивизации. Будущее и без того непредсказуемо, но в спортивном азарте о нем и вовсе перестают размышлять, сосредоточиваясь на одном: «наши» победят или «не наши»? Как в футболе.

А если вдуматься: что может принести это сладкое слово свобода плановой экономике, в которой трудятся десятки миллионов людей? Подчинить единой программе такую массу личностей, у каждой из которых есть собственные интересы и мнения, можно лишь при помощи армейской иерархии: каждый подчиненный беспрекословно слушается своего начальника. И что же случится с армией, в которой у подчиненных появится возможность свободного выбора? Да то самое, что и случилось с Советским Союзом.

И если обрушится бездушная бюрократическая система, то каким образом это приведет к победе справедливости и человечности? Ведь свобода открывает возможность борьбы за свои интересы множеству социальных групп, вплоть до криминальных, и почему мы должны думать, что новые победители отнесутся к проигравшим более справедливо и гуманно? Особенно если учесть, что они за них не отвечают даже в теории.

А демократия, если всерьез, — что же она такое и что в ней, в сущности, хорошего? В общих чертах, что она такое, понятно: власть над народом принадлежит народу. Но не могут же все миллионы разом править этими же самыми миллионами, хотя отдельные утописты уверяли, что именно так и только так и должно быть. По четкой анархической грезе Кропоткина, все централизованно управля-

емые организации должны быть заменены добровольными союзами; по туманной либеральной грезе Спенсера, централизованно управляемые общества военного типа должны смениться обществами индустриального типа, в которых сохранятся лишь добровольные договорные отношения. За соблюдением контрактов, правда, должна следить какая-то сила, и что ей помешает выйти за пределы контрактных отношений, — это из разряда вопросов «Кто будет сторожить сторожей?»: они почему-то будут сами контролировать друг друга, вместо того чтобы покрывать друг друга за счет лоха-заказчика. Кропоткин же смотрел на вещи еще проще: свобода — лучшее лекарство против временных неудобств, вызванных свободой, если бы махновщина победила в мировом масштабе, мы бы давно жили при подлинной демократии. Впрочем, мы и прожили довольно долго при «социалистической демократии», которая тоже называла себя единственно подлинной, поскольку ни у одного из кандидатов не было ресурсов для подкупа или одурачивания избирателей (это делалось в централизованном порядке).

Но вот Бенжамен Констан еще лет двести назад разделил задачи демократии древних и новых народов на почти полярные: античная демократия позволяла каждому участвовать в принятии общих решений, но не позволяла от них уклоняться, а новая демократия должна, напротив, обеспечить свободу личности от «общей воли», в которую верил Руссо. Так что демократий, как минимум, есть две разновидности — тоталитарная демократия и либеральная демократия. Брутальный Теодор Рузвельт впоследствии прямо поставил одной из целей демократии защиту прав меньшинства, но и Руссо был не так прост, чтобы считать, что большинство должно диктовать меньшинству только потому, что оно сильнее или его интересы важнее, нет, он верил, что, когда умолкают страсти, все начинают желать примерно одного — это и есть общая воля. А мнение большинства — лишь способ угадывания этой воли.

Существует общая воля, или есть лишь совокупность частных волей, — вопрос открытый. Но если что-то общее у миллионов незнакомых между собою людей и есть, то это всевозможные социокультурные стереотипы, и мало кто станет утверждать, что именно они, рожденные прошлым, и должны определять образ будущего. Поэтому когда проигравшее на выборах меньшинство утверждает, что на самом деле большинство на его стороне, оно тем самым как бы расписывается в своей ординарности и стереотипности.

Толстой с присущей ему неукротимостью заявлял, что лишь мудрые и святые способны выбрать мудрых и святых представителей, но ведь из мудрости и святости не изготовить блюд, которые пришлось бы по вкусу массам. Государственные решения, касающиеся масс, должны быть поняты и приняты ими, иначе они сумеют, даже и не поднимая открытого бунта, одним лишь саботажем провалить и дискредитировать любой национальный проект, как они безо всякой дубины народной войны на наших глазах обошлись с развитым социализмом или антиалкогольной кампанией. Мудрости и святости в мире так мало, что совершенно незачем приписывать их миллионам обычных людей, которые не лучше и не хуже прочих, в том числе и своих обличителей. Но что им необходимо приписывать — это силу и (не в бытовых, но в политических вопросах) искренность. В делах государственного, исторического масштаба им незачем притворяться, потому что, в отличие от политиков решительно всех лагерей, у них нет ни малейшего шанса что-то заработать лично на красивом жесте или эффектном лозунге. У масс очень много серьезнейших минусов, но лгать им совершенно не для чего.

Зато инициаторами обновлений могут быть лишь какие-то меньшинства (обновлений как позитивных, так и негативных: преступники, к счастью, тоже составляют меньшинство; впрочем, в противном случае они преступниками бы не считались), и выбрать, какие из этих обновлений окажутся к добру, а какие к худу, могут уже и не мудрые, и не святые, но исключительно ясновидящие. Мир трагичен: любой выбор несет как добро, так и зло, и любая, даже и достигнутая цель тонет в лавине непредсказуемых последствий. Склоняться к мнению большинства имеет смысл лишь по одной причине: всякий другой выбор наткнется на сопротивление этого самого большинства.

Поэтому государственный лидер, больше желающий стабильности, чем обновлений, старается приказывать народу только то, что народ готов принять, и вследствие того, что народ его действительно поддерживает, ибо он народу подспудно угрождает, может возникнуть впечатление, что он правит недемократическими методами. Возможно, по каким-то формальным требованиям он действительно отходит от каких-то демократических стандартов, но в сути своей он подлинно демократический вождь. Такой лидер силен не войском, нет, не чьей-то там помощью, а мнением, да, мнением народным.

Границу между авторитарным и демократическим лидером проводит не внешнее соблюдение процедур, но внутреннее неодобрение или одобрение его политики массами. Гитлер вообще считал самой правильной военной демократию древних германцев: избранный вождь обладает диктаторскими полномочиями, но если он проигрывает войну, его убивают.

Однако вернемся в более вегетарианские времена. Итак, правление можно считать демократическим, если его молча принимает молчаливое большинство.

И что же в таком правлении хорошего? Да ничего, кроме того, что оно требует минимального принуждения. А куда оно заведет — совершенно неизвестно.

Но что можно сказать в защиту свободы — теперь мы живем, а не прозябаем. Пишем и печатаем практически все, что хотим, ездим тоже, куда хотим. Но живем и напряженно, и опасно, если говорить о международном положении: нарушение равновесия даром не проходит. Стоила ли овчинка выделки? В год своего семидесятилетнего юбилея Никольский опубликовал полушуточную статью о своих дневных и ночных размышлениях: ночью он перебирает темные итоги своей жизни, а днем светлые. И тех, и других оказывается чрезвычайно много. А какие перевешивают? Единственные весы, на которых можно взвешивать добро и зло, это наша душа, писал я в своей первой повести «Весы для добра».

В политике невозможно руководствоваться нравственными критериями уже хотя бы потому, что наш мир трагичен: в нем сталкиваются не добро и зло, а разные представления о добре. Никольский являл собою лучший тип советского человека, именно такими, как он, и было создано все лучшее при советском строе. Он верил в социализм с человеческим лицом и сам был таким лицом советского социализма. Он честно служил ему, пока в него верил, и восстал против него именно потому, что относился всерьез к его лозунгам.

Свои «Кремлевские миражи» Никольский закончил прощальными словами Ельцина. «Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком сможем перепрыгнуть из серого, застойного тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее.

Я сам в это верил. Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались впе-

ред через ошибки, через неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясения... Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моем сердце, бессонные ночи, мучительные переживания, что надо сделать, чтобы людям жилось легче и лучше, — не было у меня более важной задачи...

Я ухожу, я сделал все, что мог».

Не знаю, как Борис Николаевич Ельцин, но Борис Николаевич Никольский действительно сделал все, что мог. По крайней мере, передумал. И много раз подтвердил в своей книге, что главным двигателем нашей революции конца 80-х — начала 90-х были грезы и фантомы. Миражи, как он их называет.

Когда Никольский перечисляет реальные события, сопровождавшие взлет Ельцина, а параллельно с ними те интерпретации, которые им дает молва, не остается ни малейших сомнений, что это была победа фантома. Никольский приводит вполне покаянную ельцинскую речь на XIX партийной конференции, а после этого, я самолично помню, у нас в университете остепененные взрослые люди передавали друг другу машинописную «стенограмму» его дерзкого выступления, в котором ельцинский фантом еще и обрывал Раису Максимовну: прошу-де меня не перебивать, — ее фантом и на конференции сидел рядом с супругом. Эта сказка и создала народного вождя.

«Сразу после XIX партконференции к Ельцину в Госстрой, где он продолжал томиться в своем министерском кабинете, всеми, казалось бы, отвергнутый, разбитый и опустошенный, вдруг стали приходить сотни, тысячи писем и телеграмм. Эти письма, эти телеграммы с выражением поддержки, сочувствия, понимания, со словами одобрения, с пожеланиями не отступать, не сдаваться стали той живой водой, которая, если верить русским народным сказкам, способна и воскресить мертвого богатыря, и придать ему новое могущество».

Против легенды оказывается бессильной и партийная печать: любой компромат «демократической общественностью» отвергается с порога как заведомая ложь и провокация: «Так или иначе, но во всем, что якобы произошло с Борисом Николаевичем, винули его гонителей», — хорошей сказке все впрок. Поэтому не нужно думать, что Ельцин как-то особенно хитроумно заморочил общественность своим популизмом — общественность создавала фантом сама, она подталкивала его к решительным действиям, когда он об этом еще и не помышлял. Сегодняшняя оппозиция в своих неудачах часто обвиняет отсутствие собственного телевидения, но могучей грезе и телевидения не требуется, его с успехом заменяют слухи. «Незаметно, незаметно, а уже совершался переворот в умах, уже наступила та эпоха, когда общественность, во всяком случае, общественность демократическая, уже готова была любое лыко ставить в строку Михаилу Сергеевичу и прощать, а то и возводить в доблесть любой, пусть даже не самый лучший поступок Ельцина».

Правда, Ельцин и сам нащупал болевую точку не фантазеров-интеллектуалов, а обычных людей, живущих повседневными нуждами, — партийные привилегии. С трибуны I съезда народных депутатов СССР Ельцин провозглашал: «Принципом социальной справедливости надо сделать защиту интересов наименее обеспеченных и социально незащищенных слоев общества. Начать, может быть, с того, что, учитывая дефицит, отменить все незаконные привилегии для номенклатуры, да и вообще убрать из нашего лексикона слово „номенклатура“. Это поднимет нравственное состояние общества».

В своей «Исповеди на заданную тему» Ельцин выражается еще более проникновенно: «Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и зае-

дать ее черной икрой, не могу мчать на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка.

Потому что стыдно».

А вот в «Записках президента» он выступает уже более «взвешенно»: «Люди не глупее меня. Они еще раньше поняли, что бороться надо не с партийными привилегиями, а с бесконтрольной, всеохватной властью партии, с ее идеологией и политикой».

«Так или иначе, — подводит итог Никольский, — но эпоха страстной борьбы с привилегиями заканчивалась — начинался их дележ».

«Пройдет еще несколько лет, и когда в 1999 году Ельцин в своем ежегодном послании Федеральному Собранию скажет, а не пора ли нам вновь вспомнить о борьбе с привилегиями, зал ответит ему веселым смехом...»

Но в том же 1999-м Никольский был приглашен на десятилетие со дня создания Межрегиональной депутатской группы, где был собран весь цвет депутатов-«демократов». И решительно во всех выступлениях звучало разочарование и мелькали слова: романтики, романтизм...

Но так ли плох романтизм — служение прекрасной мечте? Ведь это единственная сила, противостоящая алчности и корысти. Да, победить их она не может. Но ведь и они за целые тысячелетия не сумели ее уничтожить, после каждого поражения она восстает снова и снова.

И вечный бой...